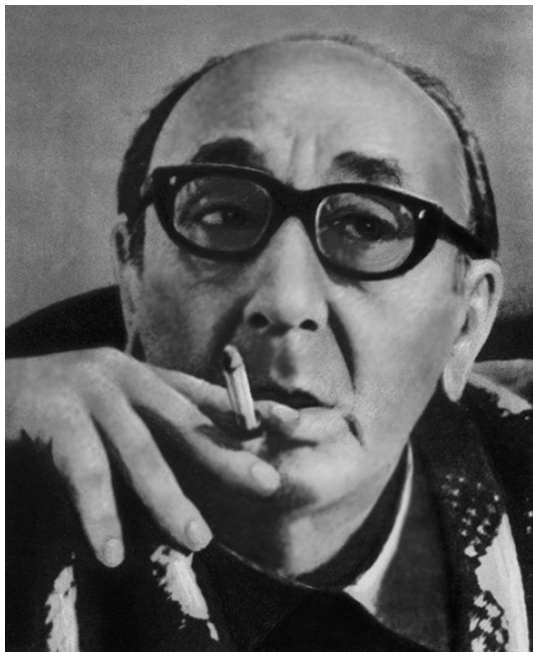

ЭТЮДЫ
ОБ УЧЁНЫХ

DOI: 10.7868/S0869587315100072

ПОСЛЕДНИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.М. БАХТИНА

В 2015 году, объявленном в России Годом литературы, отмечается 120-летие со дня рождения Михаила Михайловича Бахтина (4(17) ноября 1895, Орёл — 7 марта 1975 г., Москва) — выдающегося литературоведа, философа, лингвиста, эстетика и культуролога, имя которого известно практически любому образованному человеку. Труды мыслителя переведены на все основные языки мира. Центры изучения его наследия функционируют в США, Англии, Франции и Японии. Высокий интерес к творчеству Бахтина в Италии, Испании, Израиле, Польше, Германии [1, с. 361–501].

Гуманитарные науки по обе стороны океана не так часто имеют дело с мыслителем-методологом такого масштаба, чьи давно уже ставшие классическими труды (“Проблемы поэтики Достоевского”, “Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса”, “К философии поступка” и др.) не только продолжают свою интеллектуальную жизнь в науке, но и выступают важнейшими мировоззренческими ориентирами в нравственном бытии как отдельных людей, так и целых народов.

Бахтинская философия поступка, утверждая необходимость соединения теории и этики, глубоко гуманистична. По-прежнему актуальны его слова: теоретический мир, созданный “в принципиальном отвлечении от факта моего единственного бытия и нравственного смысла этого факта... не может определить мою жизнь как ответственное поступление, не может дать никаких критериев для жизни практики, жизни поступка, не в нём я живу, если бы оно было единственным, меня бы не было” [2, т. 1, с. 13]. При этом он не был ни оппозиционером, ни “шумным” протестным интеллектуалом, для которого внешнее самовыражение — основное свидетельство поступка и свободы творческой мысли.

Исследовательская литература о Бахтине необъятна, и нет смысла выделять что-то особо, “наука о Бахтине стала самостоятельной гуманитарной отраслью, как её ни называть — бахтинистикой, бахтиноведением или бахтинологией” [3, с. 37]. Его уникальный и в то же время универсальный феномен не перестаёт притягивать всё новых и новых рекрутов в бахтиноведение. Безусловно, проводником многих процессов стал так называемый “бахтинский дискурс”, широко и успешно используемый разными научными сообществами и направлениями. “Диалог”, “полифонический роман”, “карнавальная культура”, “хронотоп”, “мышление жанрами”, “внезаходимость”, “мениппея” и многие другие понятия и образы стали маркерами, определяющими круг его интересов, а также безбрежный исследовательский корпус тем “вокруг Бахтина”.

Многообразие порождает не только согласованность мудрого многознания и понимания, но и споры и противоречия, связанные с освоением наследия русского классика. Современные “бахтинисты” весьма неоднородны, они распадаются, как минимум, на три большие группы. Две из них представляют крайние позиции: “старомодных культистов”, превративших Бахтина в идола и догматическую “куклу”, и “очернителей”, тенденциозно и предвзято разоблачающих его работы с точки зрения “ангажирования тоталитарной советской идеологией”. Как всегда, истина лежит посередине, и привлекательнее всего выглядит

группа “нейтральных” мыслителей, воздерживающихся от крайних суждений и оценок. Они пользуются заслуженным уважением западных исследователей, которые ведут борьбу с фетишизацией учёного во имя объективной истины и объективного Бахтина [4, с. 208]. В этой полемике имплицитно содержится закономерный вопрос: а сколько “Бахтиных” живёт в мировой культуре — два, три, а может быть, сотня голосов, полифонически “неслиянно и неразрывно” звучащих в мировом научном пространстве, создавших “романный мир Бахтина” в современной интеллектуальной культуре?

Любые дискуссии плодотворны и научные противоречия полезны, ибо открывают новые “бахтинские” горизонты не только в языкознании, литературоведении, феноменологии и т.д., но и в области политических и национальных отношений, культуры международного диалога. Сегодня нужда в этом равна выживанию цивилизации. Сам учёный всегда чурался агрессивного политического дискурса, переводя свой интерес в сферы культуры и литературы, в которых наглядно демонстрировал эвристическую мощь диалога. Последний описан им всесторонне и с филологической, и с лингвистической точек зрения, но огромное значение он обрёл в реальной жизни — как повседневной, так культурной и политической. В этом аспекте важнейшим становится его философия литературы и языка. “Да, конечно, монолог, диалог и полифония — это сегодня общезначимые культурологические символы и даже философские понятия с почти установившимся категориальным статусом. Однако естественной субстанцией, в которой зарождались и разворачивались эти бахтинские сюжеты, был, как известно, язык, причём язык сначала — как конкретная реальность культуры и лишь затем — как обобщённо-философская категория” [5, с. 143].

Тема диалога, родившаяся в 1910–1920-е годы (Е. Замятин назвал этот период “десятилетнее столетие”), во времена подлинного переворота в интеллектуальной жизни России и Европы, была связана с кардинальным сдвигом от естественно-научного знания к принципиально новому типу мышления — гуманитарному (по выражению В.С. Библера, “гуманитарно-филологическому”). Деятельность Невельского кружка, основанного М.М. Бахтиным и М.И. Каганом, стала ярким примером этого процесса. Как заметил В.С. Библер, “духовная жизнь Невельского кружка в основном сосредотачивалась в диалоге (освоение—размежевание—спор) с пафосом Марбургской школы неокантианцев, Германа Когена, — в первую голову” [6, с. 15]. Новая культурная парадигма (поэтика) представляла собой целостное сопряжение эстетики, этики, логики, позволившее открыть единый и независимый от познающего субъекта мир Другого. Единственно возможным способом

такого поэтического сознания стало выстраивание диалогического творческого пространства между личностями, культурами, эпохами. В этом, собственно, и проявился феномен гуманитарного мышления “как знамения нового разума (общения разумов), возникающего в XX веке” [6, с. 23]. Именно эта парадигма привела к рождению культурологии, открывшей необходимость диалогизации всего мирового пространства. Знаменитое бахтинское “Быть — это общаться” стало призывом и шансом для выживания (возможно, даже физического) в современном мире.

Диалогический язык Бахтина нашёл применение в анализе романов Ф.М. Достоевского, филигранно обнажившего психологию одинокого неврастенического лишнего человека, вдохновляясь при этом противоположным образцом — персоналистичной, открытой миру личностью, ищущей Бога, живущей идеалами духовной и жизненной взаимосвязи и зависимости “всех со всеми”. Эту интенцию любимого писателя Бахтин и подхватывает, рассматривая всеобщую природу человека через связь “Я—Другой”, “Я и Ты”. Речь идёт не просто о языковых оппозициях или обозначении субъектных взаимоотношений. Для Бахтина было важно дать любому говорящему право на слово. «За каждым языковым фрагментом стоит уже не абстрактная всеобщность системы языка, но конкретная — смысловая, религиозная, этическая, эстетическая — позиция. Разные голоса. Слова уже не только значат, но и имеют некий “запах” и “вкус»» [5, с. 148]. А вот и голос самого Бахтина: “В результате такого идеологического подхода перед Достоевским развёртывается не мир объектов, освещённый и упорядоченный его монологической мыслью, но мир взаимно освещающихся сознаний, мир сопряжённых смысловых человеческих установок” [2, т. 6, с. 112]. Его собственное творчество-мышление столь же полифонично, многоцветно и ароматно, как и описанный им метод анализа романов Достоевского. Кажется, что не Достоевский, а сам Бахтин среди всех смысловых установок ищет “высшую авторитетнейшую”, которую “воспринимает не как свою истинную мысль, а как другого истинного человека и его слово. В образе идеального человека или образе Христа представляется ему разрешение идеологических исканий” [там же]. Эти слова в полной мере могут быть отнесены не только к герою его дум — Достоевскому, но и к их автору — Михаилу Михайловичу Бахтину.

Бахтин важен и интересен и как уникальный мыслитель, и как один из равноправных субъектов сформировавшей его целостной культуры — Серебряного века. Затянувшийся спор о том, является ли он литературоведом, философом, эстетиком или культурологом, в принципе не имеет смысла. Следует говорить о его “литературфилософии” (выражение Б.И. Пружинина), которая

Михаил Михайлович Бахтин
Вторая половина 1920-х годов

вводит нас в историко-культурное лоно Серебряного века, пропитавшего всю его жизнь и творчество. Бахтинская философская аналитика филологических текстов разворачивает традицию, черпающую в художественной литературе основания для философского творчества и нового религиозного сознания. С одной стороны, Бахтин — “это мыслитель, а мыслитель существует не для того, чтобы за ним повторять, а для того, чтобы его слушать и услышать” [7, с. 32]. С другой стороны, его жизнетворчество вполне конгруэнтно уникальной филологической эпохе живущих *по-иному* людей, людей *не нашего* времени, *не нашего* масштаба, *не нашей* нравственности, “думающих не по-нашему” (Ю.М. Каган). Бахтин признавался, что он больше философ, чем литературовед: “Я — философ, я — мыслитель” [8, с. 152]. Биографически-культурная принадлежность Серебряному веку, филологическое образование, внутреннего духовная цельность и целеустремлённость сделали его символом литературоведческой России, её классическим образцом.

Бахтин — один из немногих в плеяде известных русских учёных советского периода, который нивелировал своим особым статусом *мыслителя par excellence* тогдашнюю идеологическую реальность. Она словно “погашена” внутри его автономного творческого мира. Пережив арест, ссылку, тяжёлую болезнь (в 1938 г. из-за множественного остеомиелимита ему была ампутирована нога), запрещение жить в столицах, безденежье и прочую “рутину” советской жизни, он по своей внутренней сути оставался в идейной “вненаходимости”

особого творческого мира. Имя Бахтина стало аккумулятором иной, не советской культуры. Каждый, кто приобщался к его наследию, становился причастен к досоветскому времени, иной логике и иной духовности. Бахтин — последний интеллигент Серебряного века в стране Советов. Данный феномен весьма показателен: выясняется, что социальная (идеологическая) реальность преодолима в жизненном мире отдельного человека, “снимающего” её “безобразность” прежде всего в творчестве и созидании, а уж потом — в борьбе с режимом и властью. Возникает ощущение, что массив его уникальных идей формировался не внутри или “на фоне” своего времени, а в прыжке через него, когда любой текст впитывал в себя всю культурную основу и духовную мощь предшествующей эпохи, создавая на её базисе нечто вневременное и сущностное. Он писал и жил так, как это могло бы быть написано и прожито в “непрерываемом времени” непрерывной культуры, вне исторических, национальных, идеологических, географических и прочих рамок. Он как будто законсервировал романтическое мироощущение русской ренессансной эпохи, сохранив её интеллектуальную и эстетическую привлекательность в собственном творчестве. Следует признать некую романтизацию озвученной нами позиции, которая становится неизбежной при такой трактовке, это должно повлечь за собой желание полемизировать с ней. Сошлёмся на другого великого русского гуманиста С.С. Аверинцева, который писал: “С концепциями можно спорить; с опытом души спорить нельзя... Мужество, с которым Бахтин отнёсся к собственной судьбе, не только лежит в основе его построений; оно куда несомненное, чем они” [7, с. 17].

Но в одном отношении Бахтин вполне мог бы быть назван героем современным: открытие диалога как способа победы над агрессией колониализма, рабским сознанием господства и подчинения, национальным угнетением и унижением одних народов другими более чем актуально. Серебряный век при всей его творческой уникальности и умственной свободе не был подлинно диалогичным. Он лишь подготавливал почву для эпохальных диалогов, совместного поиска истины, оставаясь в некотором отношении даже более закрытым, чем предшествующая ему реалистическая культура. То было время эгоистических гениев, “глухих” к чужим открытиям, самодостаточных и весьма ревнивых к иному слову [9, с. 13–38]. Возможно, поэтому были неопознаны тревожные раскаты революционного грома в начале XX в. и следовавшие за разговорами о свободе, равенстве и братстве кровавые времена переворота и террора.

Если уж Серебряный век при всём многообразии порождённых им школ, направлений, идей не был готов к диалогизму, то ещё нелепее было бы

искать его следы в советской культуре, подчинившей себя коммунистической “монотеме”. И всё же диалог рождается именно в этом монологическом и идеологически молчаливом пространстве, и Бахтин становится одним из главных его инициаторов. Его всегда волновали проблемы взаимоотношения реальности и искусства, пересекаемые в жизненной позиции человека. “Искусство и жизнь не одно. Они должны стать во мне единым. В единстве моей ответственности” [2, т. 1, с. 6]. Отсюда и стремление рассматривать традиционные литературоведческие категории “герой” и “автор” как жизненные понятия. Бахтин пристально вглядывался в реальность и описывал жизненное или социальное “событие” как “событие высказывания”, “речевой акт”, “высказанная мысль”, которая есть не что иное, как часть осмысленной жизни, событие или поступок в полной мере. Его жизнетворчество специфически проявлялось в дискурсе, стиле жизни и мышления.

Сегодня важно напомнить бахтинские аксиомы, согласно которым диалог — это не “преддверие к действию”, а само действие, не средство, но цель жизни, а может быть, даже и её смысл. Бахтинский диалог глубоко человечен и по своей интенции противоположен социально-идеологической обстановке, внутри которой он создавался. Диалог замкнул на себе гамлетовскую дилемму бытия и небытия, став основой жизни и смерти человека. Для такого диалога Бахтин подарил нам понятия “полифонический роман”, “участное” или соучастное (сочувствующее) мышление равноправных голосов. Он учил, что *жить, мыслить, говорить, переживать* необходимо с оглядкой на других людей, тексты, культурные миры, в состоянии “обострённо диалогического отношения к миру” [10, с. 164]. Равноправие голосов и диалогичность как способность “внимать другому”, воспринимать в себе “друговость” объявляются им сущностью субъекта, смыслом бытия, соучастным мышлением, “только изнутри которого может быть понята функция каждого участника” [2, т. 1, с. 20].

Работа “Проблемы поэтики Достоевского” (1929 г. первое издание, в 1963 г. вышло под другим названием) обращена к человеку, его достоинству и защите права на самоуважение. Человек в своей повседневной жизни не может жить без осознания своей значимости и нужности, а также значимости и нужности другого, найти (“открыть”) которого возможно лишь как равного, в сопряжении разных сознаний, чувств, состояний. Полифонический роман — это разговор о праве любого человека на свой голос, свою позицию, независимо от авторской или читательской. Хотя данный подход в современной литературе критически переосмысливается [11, с. 123–141; 12, с. 409, 410; 13; 14], он по-прежнему маркирует

многие современные интеллектуальные дискуссии о гуманизме. Трудно согласиться с тем, что эта концепция писалась с оглядкой на цензуру, однако “религиозного Достоевского” в ней на удивление немного. Книга Бахтина — прежде всего о способности каждого, подобно героям Достоевского, оказываться всё время не “равными” самим себе, отражать в своей речи речь другого и одновременно отражаться в ней, то есть жить и мыслить с интеллектуальной оглядкой на другого, а не на “господствующие учения и господ, управляющих жизнью”. Его теория полифонического романа и многоголосия сами по себе были революционны в советском монологическом мире всеобщего единодушия, которое, по словам А. Пятигорского, есть явный признак шизофрении. Именно этот диагноз опровергает Бахтин, давая право и голос каждому герою, каждой судьбе, над которыми не властен даже сам автор.

“Проблемы поэтики Достоевского” стали бестселлером в начале 1960-х, когда «в России этот режим зашатался, книга Бахтина о Достоевском сделалась чрезвычайно популярной. Полифонию нашли более или менее всюду, у каждого писателя, у которого её хотели найти, даже у самого “монологического” из них — у Л. Толстого» [15, с. 22–37]. Главное, однако, что её нашли в реальной жизни. Как объяснял Бахтин, любое действие разворачивается одновременно в две стороны: сторону бытия-поступка и в сторону смыслооценки. Жизнь—творчество—поведение связаны с идеей ответственности человека и за смыслы (акты культурных действий), и за своё поведение — поступки. “...Говоря о различии этического и эстетического: закрыть этическое событие с его всегда открытым предстоящим смыслом и архитектурно упорядочить его можно, только перенести ценностный центр из заданного в данность человека — участника его” [16, с. 7]. Так вновь через героев Достоевского для советского читателя открывался “внеисторический” гуманизм Бахтина.

Внешне полифонично, но внутренне необыкновенно стройно и логично (здесь как будто скаывается архитектура жизни мыслителя, определяемая высшей монотемой) осуществлялось его жизнетворчество, отразившееся во многих элементах биографии: участие в юношеском кружке “Омфалос”, затем Невельский кружок, затем “круг М.М. Бахтина” в Витебске и Петрограде. Жизнь повсюду была диалогичной и маркировалась философией, искусствоведческими разговорами, литературой [17, с. 221–252; 18]. Всё это — “полифонические круги” его мира, вне существования которых голос Бахтина вряд ли был бы услышан. Затем была ссылка в Кустанай; в Саранске Бахтин преподавал в пединституте [18, с. 123]. Судьба человека вне политики и вне революционного пафоса социалистического строи-

тельства сделала его “гением места”. Город Саранск из места его ссылки в один прекрасный момент (начало 1960-х) стал центром научного и интеллектуального паломничества, оставаясь и сегодня своеобразным символом свободной и творческой России*.

Другая важная тема, породившая благодаря Бахтину огромное количество интеллектуальных и дискурсивных аллюзий в XXI столетии (кажется, даже больше, чем в XX в.), — карнавальная смеховая культура. Сегодня это тема многих современных перформансов, а также философии телесности: учение об инверсии верха и низа культуры, исследование языческих элементов народной культуры внутри христианской, описание природы смеха, иронии, народного языка, ненормативной лексики и т.д. Речь идёт о знаменитой книге “Франсуа Рабле в истории реализма” (1940), которая была написана в качестве диссертации, защищённой в 1946 г. В середине 1960-х годов книга вышла в издательстве “Художественная литература” под названием “Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса”. Она глубока и содержательна не только с филологической точки зрения, но прежде всего как разговор о простых людях, том самом народе, к которому привыкли апеллировать и наши власти, и наша интеллигенция, при этом проявляя к нему стойкое равнодушие и непонимание. Ценнее многих высказываний по поводу этой книги со сложной судьбой звучат слова С.С. Аверинцева: “Весь смысл человеческой позиции Михаила Михайловича Бахтина могут, наверное, понять только те, кто был ему соотечественниками и современниками; наша благодарность ему не должна иссякнуть. Но в царстве мысли, как выразился бы человек прошлого столетия, господствуют иные законы, плохо совместимые с пиететом... Бахтин всемерно подчёркивал неготовность, незамкнутость всего, в чём есть жизнь, и это были с его стороны поиски шанса борьбы против тех, кто хочет командовать жизнью и закрыть историю... Бахтин был прав, глубоко прав, когда возлагал надежду на то, что пока народ — это народ, последнее слово ещё не сказано. Другой земной надежды, кроме надежды на то, что люди не дадут себя запрограммировать, не имеется” [19, с. 15, 16].

Очевидно, что когда мыслитель достигает такого масштаба восприятия и оценок, когда начинают говорить об “эпохе Бахтина” (В.Л. Махлин), неизбежна мифологизация его фигуры и догма-

тизация его идей. Но очевидно и иное. Пришло время восстановления “вертикальной трансцендентной оси в системе ценностей Бахтина” (К. Эмерсон), его нового прочтения в новых реалиях и культуре. Процесс вполне объективный и закономерный. «Не потому, думается, западные культурологи и литературоведы, лингвисты и социологи, психологи и антропологи заговорили о Бахтине, что он просто вошёл в моду; скорее, верно обратное: “русский мыслитель” потому и вошёл в моду, что современное гуманитарное познание и общественно-культурное сознание оказались внутри таких бахтинских понятий, как “монологизм”, “карнавализация сознания”, “многоголосие” и “внутреннее убедительное слово”, “устное мышление” и “теоретизм”, “большое время” и, конечно же, “диалог”, причём оказались объективно, совсем независимо ни от бахтинских, ни от чьих бы то ни было иных теоретических построений. И в этом смысле мы действительно сейчас переживаем “эпоху Бахтина”» [20, с. 207].

Оставаясь последним интеллектуалом породившей его эпохи, Бахтин неустанно учил нас незавершённости, открытости, потенциальной бесконечности диалога-жизни, приглашая «договорить “по поводу” и додумывать “по касательной”», то так, то этак разматывая не обрывающуюся нить разговора. Он, наш общий учитель, никому не оставил возможности быть его “последователем” в тривиальном смысле слова. “Бахтинианство”, если о такой вещи вообще можно говорить, противоречит самой глубокой интенции бахтинской мысли. Выходя из согласия с Бахтиным, его не потеряешь; выходя из диалогической ситуации — потеряешь» [19, с. 7].

С.М. КЛИМОВА,

доктор философских наук,

Национальный исследовательский университет

“Высшая школа экономики”

sklimova@hse.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. М.М. Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. Антология в 2-х томах. Т. 2. СПб.: РХГИ, 2002.
2. Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 томах. М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 1997–2012.
3. Исупов К.Г. Уроки Бахтина // М.М. Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. Антология в 2-х томах. Т. 1. СПб.: РХГИ, 2001.
4. Эмерсон К. Бахтин, понятий. Право, но влево // Михаил Михайлович Бахтин (Серия “Философия России второй половины XX века”). М.: РОССПЭН, 2010.

* По решению Международного научно-просветительского и гуманитарно-образовательного центра (г. Саранск), координирующего работу подобных зарубежных центров, в этом году в Орле и Саранске пройдёт второй Всемирный конгресс бахтиноведов, посвящённый 120-летию со дня рождения учёного. Подробнее см.: <http://www.mordovmedia.ru/news/culture/item/33552/>

5. *Гоготшивили Л.А.* Философия языка М.М. Бахтина и проблема ценностного релятивизма // М.М. Бахтин как философ. М.: Наука, 1992.
6. *Библер В.С.* Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М.: Прогресс, 1991.
7. *Аверинцев С.С.* Не утратить вкус к подлинности // Огонёк. 1986. № 32.
8. Разговоры с Бахтиным / Публикация В.Д. Дувакина // Человек. 1993. № 4.
9. *Климова С.М.* На пороге рождения диалогической культуры, или Диалоги Н.Н. Страхова с современниками // Н.Н. Страхов в диалогах с современниками. Философия как культура понимания. СПб.: Алетейя, 2010.
10. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. литература, 1975.
11. *Батищев Г.С.* Диалогизм или полифонизм? (Антистетика в идейном наследии М.М. Бахтина) // М.М. Бахтин как философ. М.: Наука, 1992.
12. *Ветловская В.Е.* Роман Ф.М. Достоевского “Братья Карамазовы”. СПб.: Пушкинский Дом, 2007.
13. *Линецкий В.* “Анти-Бахтин” — лучшая книга о Владимире Набокове. СПб.: Типография им. И.Е. Котлякова, 1994.
14. *Подорога В.А.* Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. Материалы лекционных курсов 1992—1994 гг. М.: Ad Marginem, 1995.
15. *Ветловская В.Е.* Теория “полифонического романа” М.М. Бахтина и этическое учение Ф.М. Достоевского // XXI век глазами Достоевского: перспективы человечества. Материалы Международной конференции, состоявшейся в Ун-те Тиба (Япония), 22—25 августа 2000 г. М., 2002.
16. *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // *Бахтин М.М.* Литературно-критические статьи. М.: Худож. литература, 1986.
17. М.М. Бахтин как философ. М.: Наука, 1992.
18. *Медведев Ю.П., Медведева Д.А.* Круг Бахтина. К обоснованию феномена // Звезда. 2012. № 3.
19. *Аверинцев С.С.* Бахтин, смех, христианская культура // М.М. Бахтин как философ. М.: Наука, 1992.
20. *Махлин В.Л.* Наследие Бахтина в контексте западного постмодерна // М.М. Бахтин как философ. М.: Наука, 1992.